

ПОЭЗИЯ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ НА УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных научных исследований УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX вв.» № 15-13-6-1

Деятельность Габдуллы Тукая, творившего на рубеже XIX–XX вв., до настоящего времени является предметом переводческих рецепций как в России, так и за рубежом. Поэзия татарского классика также переложена и на удмуртский язык. В данной статье рассмотрены произведения литературного гения в интерпретации удмуртского поэта Вячеслава Ар-Серги. Выяснилось, что переводчику удалось репрезентировать мир переживаний лирического героя, филигранно реконструировать тукаевскую философию трагического, сохранить смысловой и эмоциональный диапазон оригинала.

Ключевые слова: татарская литература, удмуртская литература, поэзия, перевод, рецепция, лирический герой.

The poems composed by the Tatar poet Gabdulla Tukai at the turn of the twentieth century have been the subject of translation reception both in Russia and abroad thus far. The poetry of the Tatar classic is also shifted also to the Udmurt language. As a result of the review of the available translations of poems of the Tatar poet on the Udmurt language it has become clear that only the few authors addressed transposition of his creativity. During research it is also established that poetry G. Tukai in the Udmurt language not fully became a subject of analytical discussion. In this article works of the literary genius are considered in interpretation Udmurt poet Vyacheslav Ar-Sergi. By the analysis it has become clear that the translator managed to represent the world of experiences of the lyrical hero, to filigree reconstruct tukayevsky philosophy of tragic, to keep the semantic and emotional range of the original.

Key words: Tatar literature, Udmurt literature, poetry, translation, translators' reception, lyrical hero.

Произведения Габдуллы Тукая переложены на многие языки: английский, арабский, башкирский, венгерский, казахский, киргизский, китайский, немецкий, персидский, русский, таджикский, турецкий, украинский, узбекский, уйгурский, финский, французский и др. Для удмуртских переводчиков наиболее близкой для интерпретации оказалась его поэзия. Важно отметить, что лишь немногие удмуртские поэты обращались к освоению тукаевской поэзии. Тем не менее, переводная лирика классика до сих пор по-настоящему не осмыслена и остаётся за пределами читательского и научно-критического внимания.

Г. Сабитов – первый переводчик тукаевских стихотворений на удмуртский язык, владея татарским языком, переводил произведения татарского классика с оригинала. Поэту, равноправно владеющему двумя языками (в частности, удмуртским и татарским), на наш взгляд, удалось передать удмуртскому читателю тонкие грани переливов эмоций и смыслов оригинала. Но «кроме знания языка, нужно еще особое чутьё к его тайнам, чтобы до глубины понять намёки поэта (намёки самым смыслом слова и звуком его), – чутьё, которое, кажется, даётся лишь для материнского языка (*langue maternelle*)» [Брюсов 1960: 535].

Современные поэты продолжают традицию, начатую Г. Сабитовым. Сегодняшнее знакомство читателей с поэзией Г. Тукая также устанавливается посредством переводов. Удмуртские авторы предлагают публике новые интерпретации стихотворных текстов литературного гения, творившего на рубеже XIX–XX вв. Проза и публицистика татарского писателя, к сожалению, остаётся вне поля интерпретационных версий переводчиков. Рецепция тукаевского поэтического наследия в удмуртской литературе ограничивается переводами отдельных стихотворений. Одними из последних к интерпретации стихов татарского классика обращались В. М. Ванюшев, Ю. Разина. Отдельного внимания заслуживает изданная в 2011 г. двуязычная книга стихотворений Г. Тукая в интерпретации народного писателя Удмуртии В. Ар-Серги. Выход данного труда в свет совпало с празднованием 125-летнего юбилея со дня рождения татарского гения. В сборнике «Шигырьлэр. Кылбурьёс» читателю предложены стихотворения из золотого творческого наследия Г. Тукая в удмуртском переводе и на языке оригинала. Из огромного наследия поэта для перевода на удмуртский язык переводчиком было выбрано 30 стихотворений. Параллельно сопутствующие оригиналам переводы текстов выполнены удмуртским поэтом непосредственно с татарских первоисточников.

В. Ар-Серги предложил читателям новые переводы стихов татарского классика, основная часть из которых впервые стала предметом переводческих рецепций. На наш взгляд, его поэзия на удмуртском языке в интерпретации В. Ар-Серги также глубоко проникновенна, звучит так же современно, как она была актуальна для тукаевских современников. Вероятно, выбор стихов для перевода был обусловлен и созвучием чувств, эмоций, настроений; сходным видением мира и душевных переживаний. Не владея языком оригинала, мы вынуждены провести аналитическое прочтение стихотворений Г. Тукая только на удмуртском языке, и рассчитываем на добросовестность переводчика. Думается, что это не исказит содержательную дистанцию между оригиналом и переводом.

Нужда, голод, сиротство, кочевание из одной семьи в другую, ненужность, одиночество сопровождали Г. Тукая в течение всей короткой его жизни. Об этом пишут многие исследователи творчества татарского поэта. «В 1907 г. Г. Тукай активно разрабатывает тему страдания, строки «тяжелеют» фило-

софскими мыслями и рассуждениями о богатстве и бедности <...>, о сладости и смысле жизни на земле <...>», – констатирует В. Г. Родионов [Родионов 2011: 79]. Жизненную философию классика Т. Галиуллин определяет словами Гаяз Исхаки, который «сумел вместить весь жизненный путь, характер и трагедию Тукая в два предложения: «Он рос в сиротстве, жил в сиротстве и умер в сиротстве... Он жил одиноким и умер одиноким» [Галиуллин 2011: 11].

Драматический опыт, почерпнутый из личной жизни, становится в тукаевском творчестве материалом для лирического осмысления. В стихах татарского классика нашли отражение тяжелые испытания, выпавшие на его долю. Этот мир переживаний, на наш взгляд, удалось, репрезентировать удмуртскому переводчику. Тонкая тукаевская философия трагического филигранно реконструирована в текстах В. Ар-Серги. Переводчику удается приоткрыть обостренно эмоциональную напряженность внутреннего состояния лирического героя, для которого поэтическое творчество стало средством самовыражения: *Серемен ке кылбур пазыське, тон учкы пушказ мурегес. / Отын – вирзектэм юриськон, сюлэмлэн куретон кайгузз* [Тукай, 2011: 12] 'Если стих брызжет смехом, ты загляни в него глубже. / Там – кровавые проклятья, жгущая боль сердца'.

В удмуртских текстах также воссозданы мучительные переживания одиночества, сопровождающиеся грустью и тревогой: *Мозмисько, сюлмын шуг, асламзэ курытэн малапсько, / Артзын эшъёсы но ёвёл, юлтошлы мон жожез кутйсько* [Тукай, 2011: 16] 'Скучаю, беспокою на душе, горько думаю о своем, / Рядом со мной нет друзей, грусть в друзья я беру'. Не смотря на то, что темы одиночества, унижения, нужды в творчестве поэта заявлены как магистральные, достаточно устойчиво в его поэзии проявлен психотип героя-борца. «Мон – ожмаськись» [Тукай, 2011: 14] 'Я – борец', – заявляет лирический субъект. На поведенческом уровне в невыносимых условиях также реализуется жизнеустойчивый психотип героя, выработанный на основе собственных ценностных установок и мировоззренческих ориентиров: *Нунал быдэ ыбо ке но монэ ньёлэн зучмыт, / Куалекъятэк, усьтэм гадьын мынылйсько жугонъёсы* [Тукай, 2011: 24] 'Даже если в меня изо дня в день стреляют из лука, / Без страха, открытой грудью иду в бой'.

Погружение в жизненную философию творчества Г. Тукая позволяет В. Ар-Серги ближе подойти к визионерской, пророческой доминанте, пульсирующей в стихах татарского поэта: *Нош кулон ке вуиз, кырзало ым тырос, <...> / Куараме сюй улысь но одно кылоды* [Тукай, 2011: 14] 'А если смерть придет, буду петь во весь голос, <...> / Голос мой услышите и из-под земли'.

Особенностью переводческой стратегии В. Ар-Серги является воссоздание нравственно-дидактического пафоса произведений Г. Тукая. Этот контекст удачно воссоздан, например, в стихотворениях «Веран-валэктон» («Ответ»), «Серем ёвёл» («Не смешно»):

Подводя итог, мы можем говорить о том, удмуртский переводчик В. Ар-Серги воссоздавая тукаевскую художественную философию, умело адаптировал ее по отношению к своей читательской аудитории, при этом сохранил смысловой и эмоциональный диапазон оригинала. В переводческой практике удмуртский автор придерживался стратегии передачи реалистичности мироощущения лирического героя.

Литература

1. Брюсов, В. Я. Принципы поэтического перевода. Проблема переводимости. Критика переводов. Фиалки в тигеле в // Русские писатели о переводе: XVIII–XX вв. / Под ред. Ю. Д. Левина и А. В. Федорова. – Ленинград: Советский писатель, 1960. – С. 532–550.
2. Галиуллин, Т. Халык шагыйре Габдулла Тукай / Т. Галиуллин // Яз фәйтуны: шигырьләр, балалар өчен шигырьләр, әкиятләр. – Москва: ООО «МАГИ «Из века в век». – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – С. 8–22.
3. Родионов, В. Г. Чувашская поэзия начала XX века в контексте творчества Г. Тукая / В. Г. Родионов // Габдулла Тукай мирасы һәм милли-мәдәни багланышлар: Габдулла Тукайның тууына 125 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары (25 апрель, 2011 ел). – Казан, 2011. – С. 24–26
4. Тукай, Г. Шигырьләр = Тукай Г. Кылбуръёс / перевод Вячеслава Ар-Серги; послесловие Роберта Миннуллина. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2011. – 79 с.

Каракулов Борис Иванович

Глазовский государственный педагогический институт, Глазов

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В период глобализации актуальным становится воспитание поликультурной личности, создание условий для идентификации личности со своей исконной культурой и усвоения других культур, ориентация на взаимообогащение культур. По нашему мнению, содержательные знания по этнокультурному образованию педагоги могут черпать во фразеологизмах народов, проживающих на территории региона, в нашем случае – Волго-Камского региона.

Ключевые слова: глобализация, поликультурная личность, этнокультурное образование, фразеологизмы.

In the period of globalization becomes relevant education multicultural identity, creation of conditions for identification with their native culture and assimilation of other cultures. In our opinion, substantial knowledge of ethno-cultural education teachers can draw in phraseologisms peoples living in the region, in our case - the Volga-Kama region.